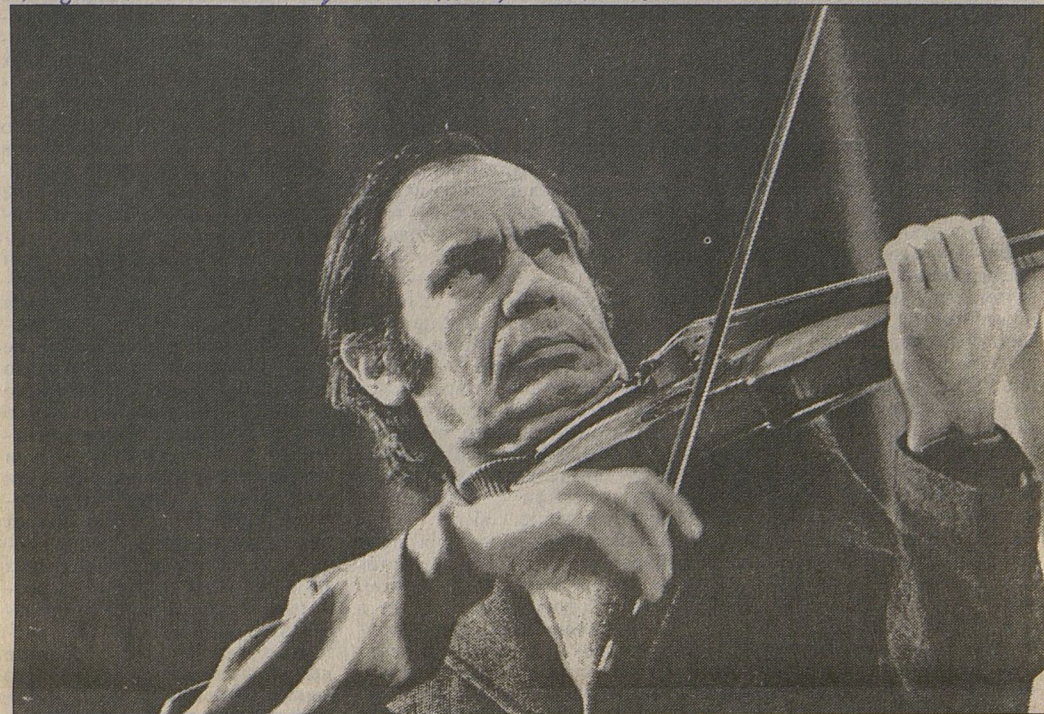


ЧЕЛОВЕК СОВЕТСКИЙ, ИДЕАЛЬНЫЙ

Независимая газета. — 1999. — 16 июля. — С. 7



Таким он был.

Анастасия Дедюхина

В ЭПОХУ развитого социализма Советский Союз поставлял на мировой рынок два, бесспорно, конкурентоспособных товара — оружие и искусство. Символом советского военно-промышленного комплекса был автомат Калашникова, символом скрипичного союпарта — Леонид Борисович Коган.

К моменту принятия брежневской Конституции руководство страны продекларировало появление нового типа общности людей — советского народа. Сегодняшнее уничижительное «совок» отражает лишь одну сторону, оставляя в тени некую эфемерную конструкцию, включающую неконъюнктурный патриотизм, неконформизм и искреннюю веру в моральное превосходство своего общества. Словом, то что называется таким теперь странным словом идеал. Наверное, фигура Леонида Когана и его искусство есть реальное воплощение той ушедшей эпохи.

Итак, 14 ноября 1924 года в новой стране, уже носящей имя СССР, в городе Днепрпетровске родился мальчик. Судьба отвела ему 58 лет, как и другому великому артисту, итальянцу Паганини, сравнение с которым давно стало общим местом в когановской биографии. За всю жизнь мало кто видел его без скрипки. Даже разговаривая по телефону, он не мог оставить инструмент и продолжал что-то беззвучно «наигрывать» одной левой рукой.

Девяти лет, после победы на областном конкурсе, он приезжает в Москву, где поступает в Особую детскую группу при Московской государственной консерватории в класс Абрама Ильича Ямпольского. Ямпольский, в то время мэтр скрипичной педагогики, настолько покори мальчиком, что приглашает жить его у себя в квартире. Это был своеобразный скрипичный клуб. Там всегда были люди, приходили и уходили ученики, и современники вспоминают, что в единственное относительно спокойное место — туалет — попасть было невозможно: маленький Коган заперся там и занимался на скрипке по 8 часов.

Трагический 41-й ознаменовался для юноши дебютом с симфоническим оркестром в БЗК. Дальше была эвакуация в Пензу вместе со школой, занятия, концерты, учеба в Московской консерватории.

Усилия оказались не напрасны. Когда собирали участников от СССР на Международный конкурс имени «красной» королевы Елизаветы в Брюсселе и Коган в «команду» поначалу не вошел, Давид Ойстрах заявил, что бороться за первую премию возможно только при его участии. Легенда рассказывает, что «отец всех народов» наложил краткую и емкую резолюцию: послать занятого первое место. Естественно, место было «занято», и с этого момента Коган становится одним из олицетворений советского искусства в мире.

По воспоминаниям людей, близко знавших его, определяющими качествами личности Когана были одержимость в работе и бескомпромиссная требовательность к себе на грани ухода от реальности. Казалось бы, напрашивается аналогия с набоковским Лужиным, живущим в своем шахматном мире и не желающим знать никакой внешней жизни. На самом деле Коган — его антипод: благодаря своему искусству он свободен в несвободном обществе. Этот невысокий, сухощавый, быстрый, корректный, суховато-интеллигентный в общении профессор в 39 и народный артист в 40 лет любил земную жизнь, театр (особенно МХАТ), живопись. Профессиональный музыкант увлеченно разбирался в сложных технических механизмах, обожал автомашины и знал их устройство столь же досконально, как скрипичную литературу. За свою жизнь Коган переиграл практически все четырехвековое скрипичное наследие.

Судьба одаривала его общением с самыми известными людьми той эпохи: Дмитрий Шостакович и Лукино Висконти, Марк Шагал и Святослав Рихтер, Эрнест Хемингуэй, Пабло Пикассо и Яша Хейфец, его исполнительский кумир. Современные композиторы писали специально для него скрипичные сочинения, которые он играл по всему миру, активно

и искренне пропагандируя советскую музыкальную культуру.

Коган выучил огромное количество скрипачей, которые сегодня играют по всему миру. Однажды он сказал: «Такие гиганты скрипки, как Крейслер, Хейфец, Ойстрах, Сигети, Тибо, во время исполнения все свои чувства передавали с помощью бгю, высокого эмоционального накала. Внешне же их манера сценического поведения была очень скромная. То же самое можно сказать о многих других великих музыкантах, например, о Рахманинове, Горовице. Все шло у них изнутри, лишь в пальцах полыхал прометеев огонь, который зажигал слушателей. Сейчас публика хочет, по-видимому, некоего визуального «действия»... Но стоит закрыть глаза, происходит нечто непонятное — уши воспринимают совершенно заурядное исполнение. Почему так происходит, мне сейчас трудно сказать». В этом смысле Коган оказался почти пророком: скрипичное исполнительское искусство сегодня пошло во многом по описанному им «имиджевому» пути.

Одним из последних проектов великого скрипача стал многосерийный телевизионный фильм о Паганини — до странности символический шаг. Когда-то Висконти предлагал ему сыграть легендарного итальянца в своем неосуществленном фильме. Когда-то славу ему принесло исполнение в один вечер всех 24 каприсов Паганини. Всю жизнь он стремился разгадать феномен «скрипача-дьявола». Как и Паганини, он предпочитал скрипкам Страдивари инструмент, изготовленный Гварнери дель Джезу, считая, что «ее и сложность, и преимущество в том, чтобы делать звук самому, на них индивидуальный звук скрипача со временем доходит до слушателя гораздо полнее и легче, чем у Страдивари». Он боролся.

Коган, будучи уже очень большим человеком, оставался трудолюбивым и жил преодолением. Для него не существовало второстепенных концертных площадок. Жизнь его прервалась в поезде, по дороге на очередное выступление в Ярославле. До начала перестройки оставалось три года...